

НАЗВАНИЯ НЕКОТОРЫХ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ЗАБОЛЕВАНИЙ ПО ДАННЫМ КАРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКА

ПАШКОВА Татьяна Владимировна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры прибалтийско-финской филологии ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет» (г. Петрозаводск, РФ), tvp-1979@mail.ru

Введение. Тематика статьи связана с народной медициной карел. Изучая ритуалы определения источников болезни и лечебные обряды, мы обращали внимание на собственно наименования заболеваний и их этимологию, поскольку многие названия содержат причину (источник) возникшего недуга и способ лечения. Цель статьи – изучение в наречиях карельского языка наименований мифологических заболеваний. Предметом исследования выступают наименования болезней в карельском языке. Ранее к проблеме номинации мифологических заболеваний в прибалтийско-финских языках обращались некоторые исследователи (К. Астедт, Т. Вуорела и др.), но карельские наименования ими не затрагивались. Представленный материал является актуальным, так как впервые рассматриваются наименования болезней в мифологических представлениях карел.

Материалы и методы. Решение поставленных задач проводилось с применением сопоставительного, сравнительно-исторического и этнолингвистического методов. Нами представлены диалектные варианты народных названий болезней в карельском языке, а также соответствия в прибалтийско-финских и финно-угорских языках, что позволяет сделать выводы сравнительно-исторического характера. При определении происхождения той или иной лексемы принимались во внимание данные неродственных языков. Материалом послужили опубликованные источники на русском, карельском и финском языках, а также собранные автором в районах Республики Карелия полевые материалы.

Результаты исследования и их обсуждение. В ходе исследования собранная лексика (наименования болезней) рассматривалась с точки зрения словообразовательного анализа (девербальные/деноминальные наименования), этимологии, семантики. Кроме того, были приняты во внимание сведения о карельской народной медицине, указывавшие на возможное происхождение наименования.

Заключение. В результате исследования были выявлены лексемы, которые использовались в диалектах собственно-карельского, ливвиковского и людиковского наречий для обозначения мифологических заболеваний. Собранные наименования образованы от глаголов и имен существительных путем присоединения суффиксов (чаще всего суффикса *-hinel-hini*). Ряд лексем имеет исконно прибалтийско-финское происхождение или представляет собой славянские заимствования.

Ключевые слова: лексика; карельский язык; этнолингвистика; верования карел; карельская народная медицина; номинация.

Для цитирования: Пашкова Т. В. Названия некоторых мифологических заболеваний по данным карельского языка // Финно-угорский мир. 2017. № 3. С. 47–54.

Введение

Лексика карельского языка изучена довольно слабо. Некоторые ее пласты никогда не подвергались тщательному анализу. К данным пластам лексики относятся исследуемые нами мифологические названия болезней. Цель статьи – изучение в наречиях карельского языка наименований мифологических заболеваний. Задачами при этом выступают, во-первых, идентификация народных названий болезней по тематике исследования, сравнение собранных лексем в наречиях карельского языка (собственно-карельское, ливвиковское и людиковское) и их соответствий в близкородственных языках, а также определение происхождения собранных лексем; во-вторых, изучение ве-

рований карел, связанных с причинами появления названных недугов. Предмет исследования – наименования болезней в карельском языке. Предлагаемый в статье материал является актуальным, так как впервые рассматриваются наименования болезней в мифологических представлениях карел. Ранее подобных исследований на карельском материале не проводилось.

Обзор литературы

К проблеме мифологических названий болезней в прибалтийско-финских языках обращались некоторые отечественные (Н. Г. Зайцева) и финские исследователи (J. Kalima, K. Astedt, T. Vuorela).

Например, вопросу мифологии и способам лечения болезни *nenä* у финнов, карел и вепсов посвящена статья К. Астед [13]. Автор анализирует наименования тех мифологических заболеваний, основой которых является лексема *nenä* ‘нос; мифологическое заболевание’ (например, *mečännenä* ‘хворь от леса’, *tuulennenä* ‘хворь от ветра’, *kalmannenä* ‘болезнь / смерть’ и др.). Исследователь приходит к выводу, что по ареальному распространению в диалектах финского и карельского языков доминируют названия с определениями *metsän-*, *tuulen-*, *veden-*, *maan-*, означающими соответственно недуг от леса, ветра, воды, земли.

Языковед Н. Г. Зайцева обращается к этимологии этого названия у вепсов. По ее мнению, в вепском языке нос в таких дефинициях непосредственно указывает на проявление сердитости [3, 147]. Однако данные по карельскому языку в научных трудах большинством исследователей привлекались лишь поверхностно.

Материалы и методы

В работе представлены диалектные варианты народных названий болезней в карельском языке, а также их соответствия в прибалтийско-финских и финно-угорских языках, что позволяет сделать выводы сравнительно-исторического характера. Нами использован сравнительно-сопоставительный метод: при определении происхождения той или иной лексемы принимались во внимание данные неродственных языков. Применение этнолингвистического метода позволило учитывать культурный аспект карельского и близкородственных народов при рассмотрении лексики.

Результаты исследования и их обсуждение

По мнению карел, болезнь, недуг могли: «пристать» и «прицепиться» – ск. *tarttuo*, *tarttua*; тв. г. *tartuo* (*šyyhymin'e tartuu* ‘чесотка пристаёт’ [10, 294]); ливв. *tartuo* (*čičäry tartui* ‘насморк пристал’ [9, 377]); люд. *tarttuda* (*muahine tarttū käde* ‘земляная/экзема пристала к руке’ [15, 428]); «прийти» – ск. *tulla* (*kun tulou*

šilmäh šemmoni nappu ta še on hyvin kipie ‘когда на глазу появляется (букв. приходит на глаза) такой прыщ, это очень больно’); тв. г. *tulla* (*lapših tulou ruškičča* ‘к ребенку придет краснуха’); ливв. *tulla* (*voimatus tuli* ‘болезнь пришла’ [14, 286]); «передаваться» – ск. *tarttuo*; тв. г. *tartuo* (*tartuu paha taudi* ‘сифилис передается’ [10, 294]); ливв. *tartuo* (*tämä taudi kebjieh tartuu* ‘эта болезнь легко передается’).

Взгляды на способы распространения болезней (пристать или прицепиться от любого природного объекта, стихии, постройки и т. д.) легли в основу названий некоторых мифологических заболеваний, представляющих собой отглагольные имена существительные:

heitos – ‘болезнь, приставшая от земли, воды, воздуха’ (от глаг. *heittyö* ‘(о болезни) пристать от чего-либо’ + суф. *-os*). Например, северные карелы говорили: *tulez on heittynyh*, *tuulez on heitos* ‘от ветра приставшая, от ветра болезнь’ [14, 207];

heitteäntähine – ‘болезнь, приставшая от земли, воды, воздуха’ (от глаг. *heittyö* ‘(о болезни) пристать от чего-либо’ с присоединением двух суффиксов *-ndy/-nty* и *-hine/-hini*; последний суффикс используется для обозначения мифологических персонажей). Данное название было распространено у тверских и ливвиковских карел: ск. *kuotella heit'ändähizešt'ä* ‘ворожить от нанесенной (приставшей) болезни’ (тв. г.) // ливв. *kibei on vies heitändähine* ‘болячка – это от воды приставшая болезнь’; *viez on heitändähine* ‘от воды приставшая болезнь’ [10, 50; 14, 209];

jäkšintähin'i – ‘болезнь, полученная от земли, воды, воздуха’ (от глаг. *jäksie* ‘свято обещать, зарекаться’ с присоединением двух суффиксов *-ndy/-nty* и *-hine/-hini*). Это название бытовало как в северной, так и в южной Карелии: ск. *jäkšintähin'i* // ливв. *jäksindähine* [9, 102; 11, 69];

tartuntahine – ‘болезнь, приставшая от сил или явлений природы; некая заразная болезнь’ (от глаг. *tartuo* ‘передаваться от одного к другому (о болезни)’ с помощью двух суффиксов *-ndy/-nty* и

-hine/-hini). Наименование характерно для северной и южной Карелии: ск. *tartuntahista pölätetäh pois* ‘спугнуть приставшую болезнь’; *moaz, veez on tartundahini* ‘от земли, от воды приставшая болезнь’ // ливв. *veiz on tartundahine, pidäy proškenna ruudeä* ‘от воды болезнь, нужно прощения просить’ [14, 56];

tulelmus – ‘болезнь, приставшая от сил или явлений природы’ (от глг. *tulla* ‘приставать (о болезни, недуге)’ с присоединением суффикса **-mus/-muš**). Наименование зафиксировано только в диалектах собственно-карельского наречия: ск. *tuli tulelmuš* ‘пристала болезнь’; *läsiy tulomušta* ‘болеть приставшей (насланной) болезнью’; *tulou tulemuš* ‘пристает насланная болезнь’ [14, 276];

tulendahine – ‘болезнь, приставшая от сил или явлений природы’ (от глг. *tulla* ‘приставать (о болезни, недуге)’ с помощью суффиксов **-ndy** и **-hine**). Люди-ковские карелы говорили: *kell ol’i tulendahine, mečännena, prost’it* ‘у кого была приставшая болезнь, от леса болезнь, просишь прощения’ [20, 271];

tulomini – ‘приходящая/приставшая болезнь’ (от глг. *tulla* ‘приставать (о болезни, недуге)’ + суффикс **-mini**). Наименование было распространено у северных карел: ск. *no, tulomini se i lienöy, se i on tulomini. Sanotaa – tulomizešša viruu* ‘ну, болезнь (приходящее) это и есть, это и есть приходящее. Говорят, от приходящего болеет’ [4, 373]. Заболевание **tulomini** «приставало» к человеку в том случае, если он подумал во время какого-нибудь несчастья (похорон, болезни): «Лишь бы ко мне никакая беда не пришла – приходящая» [5, 354].

В карельском языке встречаются также названия болезней прибалтийско-финского происхождения. Одно из них **viga** ‘хворь, недуг’. Лексема распространена в тверском говоре и сямозерском и суоярвском диалектах карельского языка: ск. *kalman, mečän, moahizen, tulen, veen viga* ‘хворь от могилы, хворь от леса, земляная, хворь от огня, хворь от воды’; *hiän on veještä vialla, kun ei ole peziečen, on maraudun* ‘у него болезнь (хворь) от воды, так как не умывался, испачкался’

(тв. г.) // ливв. *vien sil jumalal tuohuksen, k olloo sen viga* ‘я несу тогда свечку Богу, если такая болезнь’.

Производным от карельской лексемы *vika/viga* является слово **vikahine** ‘недуг, приставший от земли, воды, леса, колодца и т. д.’ (от сущ. *vika/viga* ‘изъян, недуг, причина’ + суф. **-hine**). Название было распространено на территории проживания северных, тверских и ливвиковских карел: ск. *vigahine; väh’ on noita tietäjä vikahisen voitajia, vammahisen päästäjä* ‘мало их, таких ведунов, кто болезнь победит, да от болезни (хвори) избавит’; *uniloi myö arboallah vigahizeks* ‘по снам разгадывают болезнь’; *šiu! on kaivolda vigahine* ‘у тебя болезнь (хворь) от колодца’ (тв. г.) // ливв. *vigahine heittyi (esimerkiksi, kaivosta)* ‘болезнь утихла (например, от колодца)’ [14, 622].

Люди старшего поколения верили, что **vigahine** «пристает» по разным причинам: если идешь по дороге и на плохой след наступишь (д. Большое Плоское); если матом выругаешься; если что-нибудь плохое подумаешь в опасном месте; если, не благословясь, придешь на скотный двор (с. Воздвиженка). Однако, по мнению тверских карел, чаще всего это заболевание «приставало» в бане или от плохих и злых людей (посмотрят они недобро, плохо подумают, позавидуют) [7, 615; 12, 156; 19, 209; 21, 236].

К исконно прибалтийско-финским наименованиям относится также название болезни **viha**, которое имеет несколько значений: 1) ‘хворь’ (в составе сложных лексем); 2) ‘раздражение, воспаление, заражение’ (как симптом болезни); 3) ‘зло’. Последнее значение сохранилось в вепсском, эстонском, финском и саамском (саам. *våšše* ‘зло’) языках [18, 436]. Оно отражает взгляд народа на болезнь как на зло. Следует обратить внимание и на языковые примеры из ливвиковского наречия, связанные со вторым значением слова **viha**: *kažin kynnen viha* ‘раздражение от царапины кошки’, *ta von viha* ‘воспаление от змеиного укуса’, *tuulen viha* ‘болезнь от ветра’, *vien viha* ‘болезнь от воды’, *ravvan viha* ‘заражение от железа’ [9, 430]. Как свидетель-

ствуют эти примеры, под словом *viha* со временем стали пониматься раны, кожные воспаления и нагноения, а также змеиные укусы, т. е. движение мыслительного процесса происходило универсальным образом от общего к частному (от общих признаков болезненных состояний к конкретным видам заболеваний). Со змеиными укусами согласуются и данные из словарей М. Агриколы и Э. Леннрота, в которых слово *viha* употребляется как синоним словосочетания «змеиный яд» [23, 710].

Следовательно, можно предположить, что в названиях заболеваний с таким корнем подразумеваются болезни, связанные с кожными воспалениями или нагноениями, например: *kynnenviha* (букв. нагноение ногтя), *kylmänviha* (букв. кожное воспаление от холода), *moan viha* (букв. кожное воспаление от земли) и т. д., которые приставали к человеку от различных объектов окружающего мира за недостойное поведение.

Наименование *viha* бытует во всех наречиях карельского языка: ск. *mato šyöpi moav vihat, čičiliušku t'iev vihat, skokuna vejev vihat* ‘змея съест хворь от земли, ящерица – хворь от дороги, лягушка – хворь от воды’; *em muissa alkuo šitā keärmehev viha kum puhutah* ‘я не помню начала заговора от укуса змеи’; (*tietäjä*) *palanuosta otti vihan* ‘(знахарь) от обожженного места забрал зло’ // ливв. *viha* // люд. *viha* [14, 600; 16, 81; 20, 70].

Еще одним названием болезни, связанным с мифологическим мировосприятием карел, является слово *nenä*. Существует несколько толкований лексемы *nenä* ‘от природы или некоего существа/предмета пристававшая болезнь (верование)’: ск. *mečän nenä* ‘хворь от леса’, *mečän-, tuulennenä* ‘хворь от леса, от ветра’, *tuulen nenä* ‘хворь от ветра’ (тв. г.), *siul on, gor'a, mečännenä* ‘у тебя, горе/беда, хворь от леса’ // ливв. *kalman, ilman, obrazan nenä* ‘хворь от могилы / смерть, хворь от природы/воздуха, хворь от иконы’; *mečän, kalman, vien, pokoiniekan, tuulen nenä* ‘хворь от леса, хворь от могилы / смерть, хворь от воды, хворь от покойника, хворь от ветра’ // люд. (*hän-*

ellä) *on kaks nenät sanou* ‘(у него) две болезни (хвори) говорит’ [14, 473; 22, 98]. К. Астед выделяет у слова *nenä* два значения: 1) некая мистическая болезнь; 2) некое мифическое духовное существо. Граница между этими понятиями очень тонкая [13, 307]. По мнению Л. И. Ивановой, в карельских верованиях эти значения объединены, так как сама болезнь воспринимается как некое аморфное живое существо [4, 69].

Слово *nenä* относится к исконно прибалтийско-финским наименованиям (ср.: саам. *njuon(n)e, njun(n)e* ‘нос’) [18, 213], которое в диалектах карельского языка и в финском языке буквально переводится как ‘нос’. Возникает естественный вопрос: причем здесь ‘нос’? Как объяснил один из наших информантов (д. Большие Горы), при названных заболеваниях человеку тяжело дышать, потому что эти болезни «приставали» к людям именно через нос, по воздуху, когда человек дышал. При сборе материала в Калевальском районе (пос. Калевала) на вопросы: «Знакомы ли Вам названия *mečännenä, viennenä*? Почему в этих названиях используется часть *nenä*? Что это слово (*nenä*) обозначает?» нами были получены следующие ответы: «Я думаю, *nenä* потому, что эти существа, как хозяева леса и воды. Кто-то говорит “глаза леса/воды”, кто-то говорит “уши леса/воды”, ну а кто-то, наверное, носом называет». Другие информанты (д. Царьпорог, Самбатукса, Печная Сельга, Олонец) утверждают, что составляющей частью этих наименований выступает лексема *nenä*, так как нос всегда «находится впереди человека», и поэтому именно через него все болезни проникают в организм. Как нам кажется, данное объяснение является наиболее правильным. Возможно, будучи компонентом сложных наименований болезней мифологического характера, часть *nenä* указывает на проникновение болезни внутрь человека через нос.

Подобная гипотеза была высказана исследователями славянской мифологии: «Нос – часть лица, которая в традиционной культуре выступает важным кана-

лом связи с внешним миром. Как и через другие отверстия человеческого тела, через нос внутрь тела может проникать нечистая сила и ее агенты» [6, 435; 8, 11]. Примерно такого же мнения об этимологии названия указанной болезни на вепсских материалах придерживается И. Ю. Винокурова. Название болезни *mesañena* зафиксировано на территории расселения северных и средних (оятских и вологодских) вепсов. Буквально слово *mesañena* (*mes* 'лес' + *ñena* 'нос') переводится как «лесной нос». Однако ряд вепсских терминов и фразеологизмов со словом *ñena* связан с символикой зла: *kantta ñena* 'таить зло' (букв. носить зло), *ñenoita* 'сердиться, дуться', *ñenatoi* 'незлопамятный' (букв. безносый). В контексте представлений о болезни как абсолютном зле слово *ñena*, видимо, имеет значение «зло, которое посылается хозяином леса». Нос как отверстие, канал связи с внешним миром, в которое проникает «зло», метонимически обозначает зло (болезнь). По данным, собранным И. Ю. Винокуровой в вепсских деревнях, болезни с корнем *nenä* – это, как правило, внутренние заболевания, проникающие через нос [1, 279].

Н. Г. Зайцева придерживается другого мнения по поводу этимологии этого наименования у вепсов. При рассуждении по поводу употребления в названии болезни *mesañena*~*mesannena* 'хворь от леса' слова *nena* она также привлекает вепсский отыменный глагол *nenagata* 'сердиться, рассердиться, упрямитесь' (ср.: ливв. *olla nenänke* 'быть надутым, сердиться' [9, 226]). По мнению исследователя, в вепском языке нос непосредственно связан с проявлением сердитости [3, 147]. Отсюда этимологию болезни *nenä* можно объяснить тем, что, рассердившись на человека за какую-либо провинность в локусе своего проживания, духи-хозяева могли наслать на него недуги.

Карелы считали, что существует множество различных «носов» – внутренних болезней, которые взаимосвязаны: *viennenä* (букв. нос воды), *kylynnenä* (букв. нос бани), *mečännenä* (букв. нос леса). Они особенно опасны тем, что «если

один нос пристанет, то тут и три пристанут подряд» [4, 69]. Саму болезнь считали живым существом, часто «гладающим подобно змею» [17, 158].

К славянским заимствованиям относится следующее наименование, бытующее у собственно карел, проживающих на территории Карелии и Тверской области: *hiimosti* – 'некая болезнь, приставшая от сил или явлений природы (поверье) / заразная болезнь': ск. *hiimosti* [11, 47; 14, 261]. Северные карелы относят болезнь *hiimosti* к недугам, которые напоминают заболевания нервной системы. Эти сведения дополняются данными о том, что *hiimosti* – это недуг от испуга: если человек испугается чего-либо в лесу, например хроста ветки или медведя, то к нему «пристанет» болезнь от леса *mečänhiimošti*; если покойника – то *ruumiksenhiimošti* (букв. болезнь, приставшая от трупа/покойника) и т. д. С помощью гадания определяли, какая *hiimosti* пристала, и шли просить прощения у источника заболевания [14, 261; 24, 74].

Финский языковед Я. Калима предполагает, что наименование *hiimosti* появилось в карельском языке из диалектов русского языка, ср.: *химость 'душевная болезнь' [18, 162]. Подтверждением, что *hiimosti* относилось к душевным заболеваниям, является зафиксированный южновепсский фразеологизм *hengõ himoitab* 'душа болит' [2, 123].

Заклучение

Таким образом, в карельской лексике нашли отражение некоторые мифологические представления народа о болезнях. Болезнь воспринималась как воздействие на человека пришедшего из окружающего одухотворенного мира зла. В карельском языке было выявлено несколько названий для групп болезней, объединенных по анатомо-топографическому принципу: кожные (*viha*, *muahiine*), внутренние (*nenä*) и душевные (*hiimosti*). Главное отличие названий этих заболеваний от немифологических (например, ск. *tauti*, ливв. *taudi* 'болезнь', ск. *kipu*, ливв. *kibu* 'боль, болезнь' и т. д.) состоит в том,

что, являясь компонентом сложных наименований болезней, они придают лексеме значение мифологического недуга. Это и подтвердило проведенное исследование. В целом, мифологические воззрения о болезнях наблюдаются у всех прибалтийско-финских народов, проживающих на территории Карелии, а также у русских.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

глагол. – глагол;
ливв. – ливвиковское наречие карельского языка;
люд. – людиковское наречие карельского языка;
саам. – саамский язык;
ск. – собственно-карельское наречие карельского языка;
суф. – суффикс;
тв. г. – тверской говор собственно-карельского наречия карельского языка.

Поступила 19.04.2017, опубликована 13.12.2017

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Винокурова И. Ю. Мифология вепсов: энциклопедия. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2015. 524 с.
2. Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепского языка. Ленинград: Наука. Ленинград. отд-ние, 1972. 745 с.
3. Зайцева Н. Г. Очерки вепской диалектологии (лингвогеографический аспект). Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2016. 395 с.
4. Иванова Л. И. Лесной нос: архаические представления карелов о болезни и магические локусы ритуала исцеления // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. Гуманитарные исследования. 2012. Вып. 4. С. 68–73.
5. Иванова Л. И. Карельская баня: обряды, верования, народная медицина и духи-хозяева. Москва: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 408 с.
6. Кабакова Г. И. Нос // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. Москва, 2004. Т. 3. С. 435–436.
7. Михайловская М. В. Карельские заговоры, приметы и заплочки // Сборник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого. 1925. Т. V, вып. 2. С. 611–630.
8. Пашкова Т. В. Народные названия болезней в карельском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2008. 18 с.
9. Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск: Карелия, 1990. 495 с.
10. Словарь карельского языка (тверские говоры) / сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск: Карелия, 1994. 396 с.
11. Словарь собственно-карельских говоров Карелии / сост. В. П. Федотова, Т. П. Бойко. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2009. 350 с.
12. Фишман О. М. Знающая – большая: из опыта полевой автобиографии // Проблемы духовной культуры народов Европейского Севера и Сибири: сб. ст. памяти Ю. Ю. Сурхаско. Гуманитарные исследования / ред. А. П. Конкка. Петрозаводск, 2009. Вып. 2. С. 135–172.
13. Astedt K. Mytologisista nenä – yhdynnäisistä // Kalevalaseuran vuosikirja. Porvoo; Helsinki, 1960. № 40. S. 307–322.
14. Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae, Osa 1968. I. 576 s.; Osa 1983. III. 584 s.; Osa 1997. V. 634 s.; Osa 2005. VI. 782 s.
15. Kujola J. Lyydiläismurteiden sanakirja. Helsinki: SUS, 1944. 543 s.
16. Näytteitä karjalan kielestä. Joensuu; Petroskoi: Joensuun yliopiston monistuskeskus, 1994. 457 s.
17. Pelkonen R. Lääketieteen juurilla // Kalevalaseuran vuosikirja. Lönnrotin hengessä. Helsinki. 2002. № 81. S. 157–169.
18. Suomen sanojen alkuperä (SSA). Helsinki: SKS, 1992. Osa I. 486 s.; 1995. Osa II. 470 s.; 2000. Osa III. 503 s.
19. Virtaranta P. Tverin karjalaisten entistä elämää. Porvoo; Helsinki: WSO, 1961. 271 s.
20. Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä. Helsinki: SUST, 1963. Osa II. 419 s.
21. Virtaranta P. Tverinkarjalasta parannustietoa // Kansa parantaa / toim. P. Laaksonen, U. Piela. Helsinki: SKS, 1983. S. 231–241.
22. Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä. Anna Vasiljevna Tšesnakovan kerrontaa ja itkuvirsiä. Helsinki: SUST, 1994. Osa VI. 240 s.
23. Vuorela T. Suomalainen kansankulttuuri. Porvoo; Helsinki: WSOY, 1975. 776 s.
24. Vuorela T. Kansanperinteen sanakirja. Porvoo; Helsinki: WSOY, 1979. 543 s.

THE NAMES OF SOME MYTHOLOGICAL DISEASES ACCORDING TO THE KARELIAN LANGUAGE

PASHKOVA Tatiana V.,

Candidate Sc. (Philology), Associate Professor, Department of Baltic-Finnish Philology, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia), tvp-1979@mail.ru

Introduction. The subject of the article is related to folk medicine of the Karelians. Studying the rituals of diagnosing the sources of the disease and medical rituals, we paid attention to the actual names of the diseases and their etymology, since many names include the information about the cause of the illness and the way of its treatment. The purpose of the article is to study the names of mythological diseases in the dialects of the Karelian language. The subject of the study is the names of diseases in the Karelian language. Earlier, some researchers (K. Astedt, T. Vuorela, etc.) touched upon the nomination of mythological diseases in the Baltic-Finnish languages, but they did not researched the Karelian names. The presented material is relevant, since for the first time the names of diseases are considered in the mythological representations of the Karelians.

Materials and Methods. The solution of the tasks was carried out using comparative, comparative-historical and ethnolinguistic methods. We have presented dialect variants of national names of diseases in the Karelian language, as well as correspondences in the Baltic-Finnic and Finno-Ugric languages, which allowed us to draw conclusions of a comparatively historical nature. When determining the origin of a lexeme, data from unrelated languages were taken into account. The material was published in Russian, Karelian and Finnish languages, as well as field materials collected by the author in the regions of the Republic of Karelia.

Results and Discussion. In the course of the study, the collected vocabulary (names of diseases) was considered from the point of view of word-formation analysis (deverbal / denominal names), etymology, and semantics. In addition, we considered the information about Karelian folk medicine, which could indicate the possible origin of the name.

Conclusion. As a result of the study, the lexemes that were used in the dialects of the Karelian, Livvik and Lyubikovo dialects to denote mythological diseases were identified. The collected names are formed from verbs and nouns by attaching suffixes (most often the suffix *-hine / -hini*). A number of lexemes have a primordially Baltic-Finnish origin or are Slavic borrowings.

Key words: vocabulary; Karelian language; ethnolinguistics; beliefs of Karelia; the Karelian folk medicine; nomination.

For citation: Pashkova TV. Nazvaniia nekotorykh mifologicheskikh zabolevanii po dannym karel'skogo iazyka [The names of some mythological diseases according to the Karelian language]. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2017; 3: 47–54. (In Russian)

REFERENCES

1. Vinokurova Iu. Mifologiya vepsov: entsiklopediia [Mythology Veps. Encyclopedia]. Petrozavodsk; 2015. (In Russian)
2. Zaitseva MI, Mullonen MI. Slovar' vep'skogo iazyka [Dictionary of the Vepsian language]. Leningrad; 1972. (In Vepsian)
3. Zaitseva NG. Ocherki vep'sskoi dialektologii (lingvogeograficheskii aspekt) [Essays Veps dialects (linguistic and geographical aspects)]. Petrozavodsk; 2016. (In Russian)
4. Ivanova LI. Lesnoi nos: arkhaischeskie predstavleniia karelov o bolezni i magicheskie lokusy rituala itseleniia [Forest nose: archaic representations of Karelia about the disease and magical loci of ritual healing]. *Trudy Karel'skogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk. Gumanitarnye issledovaniia* = Proceedings of Karelian research center, Russian Academy of Sciences. Humanitarian research. 2012; 4: 68–73. (In Russian)
5. Ivanova LI. Karel'skaia bania: obriady, verovaniia, narodnaia meditsina i dukhi-khoziaeva [Karelian bath: rituals, beliefs, folk medicine, and perfumes-home]. Moskva; 2016. (In Russian)
6. Kabakova GI. Nos [Nose]. *Slavianskie drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar'* = Slavic antiquities. Ethno-linguistic dictionary. Moskva; 2004; 3: 435–436. (In Russian)
7. Mikhailovskaia MV. Karel'skie zagovory, primety i zaplachki [Karelian conspiracies, signs and laments]. *Sbornik Muzeia antropologii i etnografii im. Petra Velikogo* = Collection of the Museum of anthropology and Ethnography of Peter The Great. 1925; V: 611–630. (In Russian)
8. Pashkova TV. Narodnye nazvaniia boleznei v karel'skom iazyke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Folk names of diseases in Karelian language. Abstract of cand. philol. sci.]. Petrozavodsk; 2008. (In Russian)
9. Slovar' karel'skogo iazyka (livvikovskii dialekt) [Dictionary Karelian language (dialect livvik)]. Petrozavodsk; 1990. (In Karelian)

10. Slovar' karel'skogo iazyka (tverskie govory) [Dictionary Karelian language (Tver)]. Petrozavodsk; 1994. (In Karelian)
11. Slovar' sobstvenno-karel'skikh govorov Karelii [Dictionary of Karelian dialects of Karelia]. Petrozavodsk; 2009. (In Karelian)
12. Fishman OM. Znaiushchaia – bol'naia: iz opyta polevoi avtobiografii [Aware – sick: from the experience of field autobiography]. *Problemy dukhovnoi kul'tury narodov Evropeiskogo Severa i Sibiri: sb. st. pamiati Iu. Iu. Surkhasko. Gumanitarnye issledovaniia* = Problems of spiritual culture of the peoples of the European North and Siberia. Collection of articles of memory Yu. Yu. Surkhasko. Humanitarian research. Petrozavodsk; 2009; 2: 135–172. (In Russian)
13. Astedt K. Mytologisista nenä – yhdynnäisistä // Kalevalaseuran vuosikirja. Porvoo; Helsinki; 1960; 40: 307–322. (In Finnish)
14. Karjalan kielen sanakirja Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae XVI; 1968; I; 1983; III; 1997; V; 2005; VI. (In Finnish)
15. Kujola J. Lyydiläismurteiden sanakirja. Helsinki; 1944. (In Finnish)
16. Näytteitä karjalan kielestä. Joensuu; Petroskoi; 1994. (In Finnish)
17. Pelkonen R. Lääketieteen juurilla. Kalevalaseuran vuosikirja. Lönnrotin hengessä. Helsinki; 2002; 81: 157–169. (In Finnish)
18. Suomen sanojen alkuperä. Helsinki; 1992; I; 1995; II; 2000; III. (In Finnish)
19. Virtaranta P. Tverin karjalaisten entistä elämää. Porvoo; Helsinki; 1961. (In Finnish)
20. Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä. Helsinki; 1963; II. (In Finnish)
21. Virtaranta P. Tverinkarjalasta parannustietoa. Kansa parantaa. Helsinki; 1983: 231–241. (In Finnish)
22. Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä. Anna Vasiljevna Tšesnakovan kerrontaa ja itkuvirsiä. Helsinki; 1994; VI. (In Finnish)
23. Vuorela T. Suomalainen kansankulttuuri. Porvoo; Helsinki; 1975. (In Finnish)
24. Vuorela T. Kansanperinteen sanakirja. Porvoo; Helsinki; 1979. (In Finnish)